

Т. С. Сулимова,
Е. Я. Шклярчук

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВМЕСТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ЕДИНИЦ ТАКОЙ И ЧИСТО В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

TATIANA S. SULIMOVA, EKATERINA IA. SHKLIARUK
THE FEATURES OF JOINT USE OF UNITS *TAKOY* AND *CHISTO* IN RUSSIAN ORAL SPEECH

**Татьяна Сергеевна
Сулимова**

Магистр лингвистики
► spb.sulimova@gmail.com

**Екатерина Ярославовна
Шклярчук**

Магистр лингвистики
► katinash21051997@gmail.com

Санкт-Петербургский
государственный университет

199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 11.

**Tatiana S. Sulimova,
Ekaterina Ia. Shklyaruk**

Saint Petersburg State University

199034, St. Petersburg,
Universitetskaya emb., 11

В статье описываются особенности совместного употребления двух единиц — *чисто* и *такой* — в русской устной речи. В устном дискурсе и *чисто*, и *такой*, под влиянием прагматикализации, могут переходить на коммуникативно-прагматический уровень языка, теряя в той или иной степени лексико-грамматическое значение, взамен они приобретают прагматическое (т.е. выполняют в тексте лишь определенную функцию). Склонность таких прагматикализованных единиц (прагматических маркеров — ПМ) к совместному употреблению — одна из проблем, затрудняющих их аннотирование в речевом корпусе (не только автоматическое, но даже и ручное), так как они могут как оставаться функционально независимыми, так и объединяться в цельную единицу, меняя свою прагматику. Источником материала для исследования стал устный подкорпус Национального корпуса русского языка. Собственно пользовательский подкорпус материала составили 74 контекста с единицами *чисто* и *такой*. Как показал проведенный анализ, возможны 4 модели совместного функционирования этих единиц, но только в одной из них (<*чисто такой* Adj + N / N <...> + Adj>) они действительно соединяются функционально (*чисто такая молодецкая забава*) и начинают функционировать по принципу идиомы. Кроме того, отдельную группу с единицами *чисто* и *такой* составили хезитационные кластеры, или «цепочки», которые служат заполнителями паузы хезитации (например, при речевом сбое говорящего). Обращение к исследованию сочетаемости единиц (и ПМ в частности) в устном дискурсе оказывается перспективным и в контексте «лексикографического портретирования», и в решении задач прикладной лингвистики.

Ключевые слова: устная речь; прагматический маркер; прагматикализация; лексико-графическое портретирование; аннотирование речевого корпуса.

The article describes the features of joint use of two units — *chisto* ('clear') and *takoy* ('such') — in Russian oral speech. In oral discourse, both *chisto* and *takoy*, under the influence of pragmaticization, can move to the communicative-pragmatic level, losing in a varying degree lexical and grammatical meaning, in return for which they acquire pragmatic one (i.e., perform a certain function in the text). The tendency of pragmaticized units (or pragmatic markers – PMs) to the joint use is one of the problems that makes it difficult to annotate them not only automatic, but even manual in the spoken corpus, since these units can either remain functionally independent or unite into an integral unit, changing their pragmatics. The source of the research material for the article is the Spoken Subcorpus of the Russian National Corpus. The actual user's

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

subcorpus of the material includes 74 contexts with the units *chisto* and *takoy*. As the analysis proved, 4 models of joint functioning of this units are possible, but only in one of them (<*chisto takoy Adj + N / N <...> + Adj*>) they are really connected functionally (*chisto takaya molodetskaya zabava*) and begin to function like an idiom. In addition, the hesitation clusters, or “chains”, which serve as a filler for the hesitation pause (for example, when the speaker has a speech failure), formed a separate group with units *chisto* and *takoy*. Addressing to the study of the compatibility of units (and PM in particular) in oral discourse turns out to be promising both in the context of “lexicographic portraiture” and in solving problems of applied linguistics.

Key words: speech corpus annotation; oral speech; pragmatic marker; pragmaticalization; lexicographic portraiture.

Введение

Прагматикализация — один из активных процессов устной речи, в результате которого грамматически и лексически полнозначные единицы переходят на коммуникативный уровень языка. При этом, с одной стороны, происходит (полностью или частично) стабилизация определенной грамматической формы (морфологическая «редукция» парадигмы), десемантизация (утрата или ослабление, «обесцвечивание», «bleaching» [Bybee 2003] лексического значения) и обрыв синтаксических связей, а с другой — приобретение единицей прагматического значения, или функции (см. о прагматикализации подробнее: [Günther, Mutz 2004; Frank-Job 2006; Graf 2011; Diewald 2011; Богданова-Бегларян 2014; Degand, Evers-Vermeul 2015]; и мн. др.)¹. Такие единицы маркируют начало или конец реплики или монологического текста (*значит, ну вот, вот*), указывают на чужую речь (цитирование) (*такой/ая/ие, типа (того что), грит/грю/грим* и под.), вербализуют колебания (hesitation) говорящего (*это самое, как его (её, их), там*), его рефлексия по поводу сказанного или готовящегося к произнесению (*или как там? или как сказать? или кто?*) или самокоррекцию (*это, это самое*), отмечают метакомментирование речи (*знаешь, понимаешь, да*) и т.п. [Богданова-Бегларян 2021b: 22-26]. Несмотря на столь существенные изменения, прагматикализованные единицы (вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян [Богданова-Бегларян 2014], будем называть их *прагматическими маркерами* — ПМ) «внешне» остаются похожими

на слова, от которых они «произошли», и поэтому их не всегда легко отграничить от соответствующих «протоединиц». Особую проблему это представляет, например, для инофонов, изучающих русский язык как иностранный. Учитывая высокую частотность ПМ в речи, можно предположить, что иностранцы в ходе общения на русском языке постоянно сталкиваются с единицами как *значимыми*, так и *незначимыми*, т.е. с ПМ, и в целях успешной коммуникации должны уметь их различать. Конечно, подобная омонимия провоцирует трудности и при разметке (аннотировании) речевых корпусов. В работах [Zaides et al. 2018; Богданова-Бегларян и др. 2019], резюмирующих большой опыт разметки ПМ в корпусе повседневной устной речи, омонимия ПМ и их полнозначных «близнецов» упоминается в числе многих других проблем, таких как полифункциональность маркеров, общее нечеткое синтагматическое членение спонтанной речи, промежуточный статус некоторых единиц, не до конца изменившихся под действием прагматикализации, и, наконец, позиционные особенности — склонность ПМ выстраиваться в кластеры в потоке речи. В связи с последним закономерно возникает вопрос: функционируют ли маркеры в этой «цепочке» независимо друг от друга или объединяются в цельную единицу, образуя что-то прагматически новое? Поиску ответа на этот вопрос и посвящено настоящее исследование.

Источник материала

В свете всего вышесказанного показалось интересным описать особенности совместного употребления двух единиц: местоимения *такой* и наречия *чисто*. Как уже было сказано выше, прагматикализация в рассматриваемом понимании проявляет себя именно в устной речи⁶, поэтому источником материала был выбран Устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html>). Пользовательский подкорпус настоящего исследования включает 73 контекста, включающих совместное употребление исследуемых единиц: 45 — с *чисто такой* и 28 — с *такой чисто* (о значимости порядка следования этих

элементов, равно как и компонентов многих других цельных неоднословных единиц, в том числе прагматических маркеров, для лингвистической интерпретации фрагментов устного текста см., например: [Богданова-Бегларян 2021a]).

Характеристика функций единиц *чисто* и *такой* в русской устной речи

Непосредственному анализу корпусного материала предшествовал поиск значений единиц *чисто* и *такой*, зафиксированных словарями и грамматиками.

Слово *такой* в устной речи чаще всего реализуется в своих «словарных» функциях: усиленной (*голова болит / тут **такая** духотень*) и указательной (*вот мне дали **такую** штуковину*), характерной именно для местоименных слов [МАС 1988: 334]. Несмотря на то что эти функции являются самыми частотными, в устной речи *такой* реализует новые, специфичные, функции, приобретенные этой единицей в результате процесса прагматикализации. Например, функция *изобразительного маркера* (1) появляется у слова *такой*, когда говорящий чувствует необходимость в оценке или характеристике предмета, но не всегда может выразить ее самостоятельным словом (*я там **такая** наяриваю*). *Маркер-ксенопоказатель такой* (2) указывает на ввод чужой речи. При этом чужая речь понимается широко и может включать и речь самого говорящего в пересказе (*я **такая** / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они **такие** / будут*). Функция *маркера энантиосемии* (3) генетически связана с усиленной функцией. Она «усиливает» признак предмета, но для показания противоположного значения (*кругом **такая** культура! и здесь культура и там культура*). Еще одну функцию, приобретенную в устном дискурсе в результате прагматикализации, можно обозначить как *хезитационную* (4) — единица *такой* появляется во время колебаний говорящего и заполняет (обычно в ряду с другими хезитативами) возникающие паузы (*там море **такое** знаешь (...)* *опасное*) (подробнее о функциях единицы *такой* в русской устной речи см.: [Шклярук 2018]).

Для единицы *чисто* в устном дискурсе также обнаружены различные значения и функции,

характерные для разных этапов ее прагматикализации (подробнее о функциях единицы *чисто* см.: [Сулимова 2019]). Во-первых, это наречие от прилагательного *чистый* (***чисто** убрано*) и предикатив (*В комнате **чисто***) (в обоих случаях — полнозначные единицы) [МАС 1988: 679–680]. Если располагать эти значения единицы *чисто* на шкале прагматикализации, то они заняли бы крайнюю левую, отправную, точку (нулевая ступень прагматикализации). Во-вторых, *чисто* может быть дискурсивным маркером (в традиционной терминологии — частицей). Об этом стоит сказать подробнее. Единица *чисто* в устной речи функционирует как некая противоположность тому, что В. И. Подлесская называет *маркерами нечеткой номинации* (*типа, вроде, как бы* и др.) [Подлесская 2013], и указывает на максимально полное, точное референциальное соответствие избранной номинации, иными словами, выполняет конкретизирующую функцию (*чтобы они **чисто** на заднем фоне были*). В адъективных сочетаниях *чисто* выполняет усиленную функцию — подчеркивает некое качество или признак (***чисто** риторический вопрос*). В сочетаниях с существительными *чисто* реализует функцию утверждения идентичности: говорящий, в поисках некоего слова, обращается к своему опыту, где находит нужный ему образ, который максимально совпадает с данной ситуацией, а маркер *чисто* как раз сигнализирует о таком отождествлении (*Юрий Гагарин / это тот человек / который первым вышел в космос / который является первооткрывателем. **Чисто** символ*). В глагольных сочетаниях единица *чисто* ослабляет эффект действия, обозначаемого глаголом, чем осуществляется снятие категоричности со всего высказывания (*ну / знаешь / так / там / **чисто** перекусили*). Перечисленные значения ДМ *чисто* можно расположить уже на второй, или переходной, ступени прагматикализации. Наконец, *чисто*, как правило, в составе хезитационных цепочек (так же как и *такой*), полностью прагматикализуется (последняя ступень, крайняя правая точка шкалы) и выполняет исключительно одну функцию — хезитационную, т. е. заполняет паузу хезитации (*они как-то вот **чисто** / как / вот про Масленицу*). В качестве маркера хезитации *чисто* обычно функционирует не самостоятельно,

т. е. имеет позиционные и «сочетаемостные»² ограничения.

Модели совместного употребления *чисто* и *такой* в устной речи

В результате исследования были выделены 4 модели совместного употребления единиц *такой* и *чисто*.

<такой *чисто* Adj (+ N)>

В данной модели единицы *такой* и *чисто* реализуют свои функции по отдельности, независимо друг от друга. Для *такой* это образительная функция, для *чисто* — усилительная, типичная для сочетаний с прилагательными:

1) *Поначалу-то это был такой чисто московский монастырь*;

2) *я обязательно посмотрю в зеркало и трижды плюну через левое плечо. Такая / чисто бытовая.*

В примере (1) *чисто* соотносится с прилагательным *московский* и усиливает этот признак: 'именно московский и никакой другой, наиболее типичный для Москвы', тогда как *такой* относится уже ко всему сочетанию *чисто московский монастырь*, и реализует свою образительную функцию. В контексте (2) существительное опущено (*привычка? примета?*), *чисто* аналогичным образом связано с прилагательным, признак которого усиливает (как будто «очищает» от примесей), и уже с ними соотносится слово *такая*, на что «намекает» и просодическая помета (/). Заметим, что не исключена и интерпретация паузы между *такой* и *чисто* как заминки, возникшей в результате колебаний говорящего, например, при поиске подходящего слова. Тогда единица *такой* берет на себя дополнительно и гезитационную функцию. Однако без слухового анализа, который технически не осуществим в УП, идентифицировать статус единицы *такой* однозначно не представляется возможным. Полифункциональность речевых единиц и множественность возможных интерпретаций одного и того же фрагмента речи — вполне типичное свойство устного дискурса⁵.

<такой Adj (+ N) *чисто*>

В данной модели, как и в предыдущей, *такой* и *чисто* относятся к разным словам и функ-

ционируют по отдельности. Так, в следующих примерах *такой* в сочетании с прилагательными реализует свои указательную (3) и образительную (4) функции:

3) *А надо ли это России? Ну просто такой гипотетический вопрос чисто?*

4) *просто душевная сила её переросла в такую физическую чисто / и она согнула эти прутья // представь?*

Так, в примере (3) *такой* отсылает к предыдущему контексту, а единица *чисто* оказывается в постпозиции к существительному, к которому относится, и реализуется как конкретизирующий маркер. Любопытен и пример (4), где единица *чисто* и существительное *сила* позиционно отдалены друг от друга, однако содержательно остаются связанными (*физическую силу*), что позволяет отнести такие случаи к модели <такой Adj + N *чисто*>. Представляется, что и в примере (4) *чисто* выполняет конкретизирующую, а не усилительную функцию, типичную для сочетаний с прилагательными, ср.: *чисто физическую* (интенсификация признака прилагательного) и *физическую чисто* (выделительно-ограничительный смысл, схоже с *именно*).

<*чисто* Adj + N / N *такой*>

Для слова *такой* реализация образительной функции в данной модели не удивительна, так как образительный маркер *такой* имеет тенденцию к употреблению в постпозиции относительно определяемого существительного или местоимения. В то же время для единицы *чисто* позиция каждый раз влияет на функцию. Так, в примере (5) *чисто*, в сочетании с существительным *актриса*, реализует утверждение идентичности (*мое поведение = поведение актрисы*). А в примере (6), в сочетании с прилагательным *психологический*, *чисто* выполняет усилительную функцию:

5) *я там / чисто актриса такая / поиграть хочу;*

6) *Нет / здесь чисто психологический такой момент / мне кажется.*

<*чисто такой* Adj + N> / <N <...> + Adj>

В данной модели единицы *такой* и *чисто* функционально объединяются по принципу иди-

омы: их совместное употребление не равно сочетанию данных единиц в отдельных функциях. В эту группу вошли контексты, где *чисто такой* является цельной единицей, которая выполняет функцию снятия категоричности со всего высказывания (сходно с *всего лишь*, *просто-напросто*):

7) *Это / я считаю / чисто такое условие создано / как и на материке;*

8) *но главным условием было то / что они не брали с собой оружие. То есть это была чисто такая молодецкая забава.*

В примере (7) дополнительным средством смягчения высказывания становится введение субъективности (*я считаю*). В предыдущих моделях единица *чисто* стоит либо в препозиции, либо в постпозиции к конкретному компоненту высказывания, с которым имеет связь, причем эта связь и определяет функцию, выполняемую единицей в контексте. В последней же модели *чисто* оказывается в препозиции к другому маркеру, и, вероятно, поэтому уже не выступает в роли конретизирующего или усилительного маркера.

Хезитационные «цепочки»

В качестве самостоятельной группы можно отметить хезитационные «цепочки», включающие *такой* и *чисто*. Объединение однофункциональных маркеров в кластеры — частое явление в устной речи, ср.:

9) *я не слышала / чтоб они как-то вот чисто / как / вот про Масленицу песни такие вот пели;*

10) *вы тут же перестаете воспринимать то / что я говорю / потому что движение тела / и мимика / и жесты гораздо важнее для нас с вами / даже чисто в таком / этом самом / гносеологическом плане.*

В приведенных примерах наблюдаются цельные кластеры различных маркеров, в которые входят и *чисто*, и *такой*. Такие «цепочки» могут сильно варьироваться количественно, но не функционально: обычно ПМ в таких контекстах осуществляют хезитационную функцию. Представляется поэтому, что такие контексты — наиболее «легкие» с точки зрения их идентификации в том случае, если дискурсивная разметка корпуса отражает хезитационные явления, вроде коротких заминок, вокализаций, удлинений звуков и др.

Рис. Количественное распределение обнаруженных моделей с *такой* и *чисто* в пользовательском подкорпусе

Количественное распределение моделей в пользовательском подкорпусе

В пользовательском подкорпусе выделенные модели совместного употребления единиц *такой* и *чисто* распределились неравномерно (см. рис.). Как видно из рисунка, 70% материала составили контексты с исследуемыми единицами в препозиции к связанным сочетаниям, причем больше трети представлены именно последней рассмотренной моделью, где *чисто* и *такой* объединяются в одно целое. Наиболее редкими оказались хезитационные «цепочки» с *такой* и *чисто*, что, вероятно, может быть следствием специфики выбранного корпуса: в УП представлена речь разной степени подготовленности и спонтанности (публичная и частная, а также речь из транскриптов кинофильмов); кроме того, в УП принята особая система разметки, которая минимально учитывает суперсегментный уровень (а именно здесь особенно ярко и проявляет себя хезитация)⁴.

Заключение

Подобное рассмотрение сочетаемости единиц, подвергающихся в устной речи процессу прагматикализации, полезно не только для их «лексикографического портретирования»⁵, но и для их разметки в корпусах русской устной речи. Множество позиционных, сочетаемостных, нюансов, тонкая грань между различными значениями таких маркеров, их склонность к объединению — все это требует внимания и учета, так как не только влияет на содержательную сторону дискурса, но и отражает саму специфику естественной коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

МАС 1988 — *Словарь русского языка в четырех томах*. Том IV. С—Я / Гл. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1988. 790 с.

УП — Устный подкорпус Национального корпуса русского языка. Электронный ресурс. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-spoken.html> (дата обращения – 1.03.2021).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Несколько иное понимание прагматикализации см., например, в работе С. Ю. Жуковой: «В случае с ДФ (дискурсивными формулами. — *Авт.*) получается, что соответствующий им семантический переход заканчивается образованием не единицы со значением из универсального грамматического набора, а единицы с особым, прагматическим значением, — эмфатического согласия, одобрения, отрицания и проч.» [Жукова 2021: 64]. Автор рассматривает прагматикализацию как продолжение процесса *конструкционализации*, когда уже сложившаяся в языке (а не только в речи!) конструкция приобретает новое, прагматическое, значение, ср.: *не скажи* = ‘несогласие’, *не говори* = ‘согласие’; «фактически оба глагола в составе формул утратили свое прямое лексическое значение — ни та, ни другая ДФ не представляют собой прямого запрета говорить – и приобрели прагматическое значение, соотносимое с вариантами ответов *да* и *нет*» [Жукова 2021: 67]. См. об этом также: [Рахилина и др. 2019]. Очевидно, что при таком понимании прагматикализации семантика единицы не утрачивается, а меняется, добавляя к лексическому значению прагматический компонент.

²Вопрос о том, насколько, действительно, стоит обращаться к понятию *сочетаемости* при анализе ПМ в составе хезитационных кластеров, представляется нетривиальным и заслуживающим отдельного исследования.

³Ср. высказывание Б. М. Гаспарова о зыбкости, неопределенности и диффузности устной речи: «Какой бы интеллектуальной утонченностью и объяснительной силой ни обладала та или иная логически организованная модель языка, — она, уже в силу своего фиксированного характера, является заве-

домо недостаточной для того, чтобы объяснить этот растворенный в обыденности феномен, с которым мы встречаемся на каждом шагу, в каждое мгновение языкового существования. При всем интеллектуальном блеске и глубине результатов, накопленных лингвистикой на путях освоения языка как рационально построенного объекта, — я не могу не ощущать эти результаты как упрощение и снижение, сравнивая их с тем трудно заметным и все время ускользающим, динамическим аспектом нашего взаимодействия с языком, который сопровождает наше существование в языке в каждый его момент, на всем протяжении нашего жизненного опыта» [Гаспаров 1996: 18].

⁴Ср., например, наблюдения подобного рода в работах: [Сулимова 2021; Богданова-Бегларян и др. 2021].

⁵Принцип лексикографического портретирования был обоснован в монографии Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика», в которой автор исходит из убеждения, что «каждая лексема предстает как автономный и неповторимо своеобразный мир, который хотелось бы описать во всем его богатстве» (см.: [Апресян 1995]). Нет сомнения, что совместное употребление рассматриваемых единиц — это не менее «автономный и неповторимо своеобразный мир», чем отдельная лексема, и также достойно детального исследования и описания.

⁶Так, отнесенность ПМ к сугубо устной форме речи — один из критериев различения ПМ и другой близкой группы — дискурсивных слов (дискурсивных маркеров, ДМ). См. об этом подробнее: [Bogdanova-Beglarian, Filyasova 2018; Прагматические маркеры... 2021: 12-13].

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Богданова-Бегларян 2014 — Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология. *Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2014, (3 (27)): 7–20.

Богданова-Бегларян 2021a — Богданова-Бегларян Н. В. От перемены мест слагаемых... порой кое-что меняется (о роли порядка слов/компонентов неоднословных единиц в устном дискурсе). В сб.: *Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С. Г. Стерлигова*. Воскресенская Н. А. (отв. ред.). Нижний Новгород, 12-13 мая 2021 г. Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 35–40.

Богданова-Бегларян 2021b — *Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография*. Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). СПб.: Нестор-История, 528 с. В печати.

Богданова-Бегларян и др. 2019 — Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения,

- результаты. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог»*. Вып. 18 (25). Селегей В. П. (гл. ред.). М.: РГГУ, 2019. С. 72–85.
- Богданова-Бегларян и др. 2021 — Богданова-Бегларян Н. В., Сулимова Т. С., Шклярук Е. Я. Мультимедийные средства как дополнительный способ установления статуса речевых единиц. В сб.: *Анализ разговорной русской речи (АР³-2021). Труды девятого междисциплинарного семинара*. Кочаров Д. А., Скрелин П. А. (науч. ред.). СПб.: Политехника-принт, 2021. В печати.
- Гаспаров 1996 — Гаспаров Б. М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Вып. IX. Прохорова И. (ред. вып.). М.: Новое литературное обозрение. 1996. 352 с.
- Жукова 2021 — Жукова С. Ю. *Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII — XXI веков)*. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 250 с.
- Подлеская 2013 — Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2013»*. Вып. 12 (19). Селегей В. П. (гл. ред.). М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.
- Рахилина и др. 2019 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А., Пужаева С. Ю. «Об этом рано говорить ...». В сб.: *Сб. статей к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Изд. дом «ЯСК», 2019. С. 448–462.
- Сулимова 2019 — Сулимова Т. С. От наречия — к прагматическому маркеру: этапы прагматикализации единицы *чисто* в русской устной речи (корпусное исследование). В сб.: *Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Материалы Международного научного симпозиума*. Степанов В. Н. (ред.). Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 448–455.
- Сулимова 2021 — Сулимова Т. С. Дифференцирующие признаки прагматических маркеров (на примере единицы *значит*). В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2021)*. Селегей В. П. (гл. ред.). М.: РГГУ, 2021. В печати.
- Шклярук 2018 — Шклярук Е. Я. Единица ТАКОЙ в русской спонтанной речи: на пути от значения к функции. В сб.: *Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы Международной конференции русистов*. Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 1598–1605.
- Bogdanova-Beglarian, Filyasova 2018 — Bogdanova-Beglarian, N. V., Filyasova, Yu. A. Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGMEM 2018. Vienna ART Conference Proceedings, 19–21 March, 2018*. Vol. 5, Issue 3.1, 2018. pp. 123–130.
- Bybee 2003 — Bybee, J.L. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. In: *The Handbook of Historical Linguistics*. Joseph B.D., Janda J. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Degand, Evers-Vermeul 2015 — Degand, L., Evers-Vermeul, J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue. *Journal of Historical Pragmatics*. 2015, (16-1): 59–85.
- Diewald 2011 — Diewald, G. Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions. *Linguistics*. 2011, (49-2): 365–390.
- Frank-Job 2006 — Frank-Job, B. A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers. In: *Approaches to Discourse Particles*. Fischer K. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 395–413.
- Graf 2011 — Graf, E. *Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
- Günther, Mutz 2004 — Günther, S., Mutz, K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. In: *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). Berlin, 2004. P. 77–107.
- Zaides et al. 2018 — Zaides, K., Popova, T., Bogdanova-Beglarian, N. Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation. Computational Models in Language and Speech. In: *Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018)*. Vol. 2303. P. 128–143.

REFERENCES

Апресян 1995 — Apresian Iu. D. *Lexical Semantics. Synonymous Language Means*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1995. 472 p. (in Russian)

Богданова-Бегларян 2014 — Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologija*. 2014, (3 (27)): 7–20. (in Russian)

Богданова-Бегларян 2021a — Bogdanova-Beglarian N. V. From Changing the Places of the Terms... Sometimes Something Changes (About the Role of the Order of Words/Components of Non-One-Word Units in Oral Discourse). In: *Iazyki i kul'tury: funkcional'no-kommunikativnyi i lingvopragmaticheskii aspekty. Sb. statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati S. G. Sterligova*. Voskresenskaia N. A. (ed.). N. Novgorod: Nizhegorodskij un-t im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2021. P. 35–40. (in Russian)

Богданова-Бегларян 2021b — *Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-monograph*. Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). Saint-Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2021. 528 p. In Print. (in Russian)

Богданова-Бегларян и др. 2019 — Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova, O. V., Martynenko, G. Ia., Sherstinova, T. Iu., Zajdes, K. D., Popova, T. I. Pragmatic Markers Annotation in Russian Speech Corpus: Research Problem, Approaches And Results. In: *Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog-2019»* Moscow: RGGU Publ., 2019. P. 72–85. (in Russian)

Богданова-Бегларян и др. 2021 — Bogdanova-Beglarian N. V.,

- Sulimova T. S., Shkliaruk E. Ia. Multimedia as an Additional Way to Establish the Status of Speech Units. In: *Analiz razgovornoj russkoj rechi (AR³-2021)*. *Trudy dev'atogo mezhdistsiplinarnogo seminara*. Kocharov D. A., Skrelin P. A. (eds.). St Petersburg: Politekhnikaprint Publ., 2021. In Print. (in Russian)
- Гаспаров 1996 — Gasparov B. M. *Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence*. № IX. Prokhorova I. (ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 352 p. (in Russian)
- Жукова 2021 — Zhukova S. Iu. *Discursive Formulas of the Russian Language in the Diachronic Aspect (Based on the Material of the 18th – 21th Centuries)*. PhD thesis. Moscow, 2021. 250 p. (in Russian)
- Подлеская 2013 — Podlesskaya V. I. Vague Reference in Russian: Evidence from Spoken Corpora. In: *Kompiuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodonoj konferentsii «Dialog-2013»*. Moscow: RGGU Publ., 2013. P. 631–643. (in Russian)
- Рахилина и др. 2019 — Rakhilina, E. V., Plungian, V. A., Puzhaeva, S. Iu. «It's too early to talk about it...». In: *Sb. statej k 85-letiju V. S. Khrakovskogo*. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Iu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: Izd. dom «YaSK» Publ., 2019. P. 448–462. (in Russian)
- Сулимова 2019 — Sulimova, T. S. From an Adverb to a Pragmatic Marker: the Stages of Pragmaticization of a Unit *chisto* in Russian Oral Speech (corpus study). In: *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v jazyke i rechi. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*. Iaroslavl': RIO YAGPU Publ., 2019. P. 448–455. (in Russian)
- Сулимова 2021 — Sulimova, T. S. Differentiating Signs of Pragmatic Markers (the Case of the Unit *znachit*). In: *Kompiuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodonoj konferentsii «Dialog-2021»*. Moscow: RGGU Publ., 2021. In Print. (in Russian)
- Шклярчук 2018 — Shkliaruk, E. Ia. The Unit TAKOJ in Russian Spontaneous Speech: on the Way from Meaning to Function. In: *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy Mezhdunarodnoj konferentsii rusistov*. Barselona: Trialba Ediciones Publ., 2018. P. 1598–1605. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, Filyasova 2018 — Bogdanova-Beglarian N. V., Filyasova Yu. A. Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vienna ART Conference Proceedings, 19–21 March, 2018*. Vol. 5, Issue 3.1, 2018. pp. 123–130.
- Bybee 2003 — Bybee J.L. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency. In: *The Handbook of Historical Linguistics*. Joseph B.D., Janda J. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 602–623.
- Degand, Evers-Vermeul 2015 — Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue. *Journal of Historical Pragmatics*. 2015, (16-1): 59–85.
- Diewald 2011 — Diewald G. Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions. *Linguistics*. 2011, (49–2): 365–390.
- Frank-Job 2006 — Frank-Job B. A Dynamic-Interactional Approach to Discourse Markers. In: *Approaches to Discourse Particles*. Fischer K. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 395–413.
- Graf 2011 — Graf, E. *Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
- Günther, Mutz 2004 — Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. In: *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). Berlin, 2004. P. 77–107.
- Zaides et al. 2018 — Zaides K., Popova T., Bogdanova-Beglarian N. Pragmatic Markers in the Corpus “One Day of Speech”: Approaches to the Annotation. *Computational Models in Language and Speech*. In: *Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018)*. Vol. 2303. P. 128–143.